

Мануэлла

Пышка для Сокола

УДК 82-3
ББК 84
М24

Мануэлла

М24 Пышка для Сокола / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 184 с.

ISBN 978-5-521-99398-7

Милана Мышкина никогда не была стройной. Демид Соколов всегда следил за своим питанием и занимался спортом. Милана была неприметной тихой отличницей, Демид – один из самых ярких учеников школы, мечта множества девочек. Наверно, поэтому притяжение между ними такое огромное? А, может, всё это – лишь очередная издёвка недоброжелателей, во главе с этим самым Соколовым?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99398-7

© Литнет, 2026
© Мануэлла, 2026

1

Милана осторожно приоткрыла решетчатую дверцу в раздевалку – вроде, все разошлись, но на всякий случай лучше бы проверить. Повезло – внутри, на вешалке, одиноко висело лишь её темное пальто.

«Слава Богу» – пронеслось в голове девушки. Значит, сегодня Семенов со своими прихвостнями выбрали кого-то другого в качестве объекта для издевательств. Да и вещи в порядке – не изодраны, не изрисованы. Настроение даже немного поднялось – видимо, её метод, полный игнор, начал понемногу приносить плоды.

Поскрипывая сапогами по первому мягкому снегу, Милана вдыхала свежий морозный воздух. Кругом такая красота! Будто в сказке или волшебном хрустальном шаре, что неизвестный великан щедро встряхнул своей огромной пятерней. Тротуар, дома, фонари уютно укутаны в снеговой покров. В голове сразу замелькали красивые зимние картинки: чай, теплый плед, добрые старые комедии на ноуте. Надо будет и маму порадовать – испечь её любимый сливовый пирог. Вернется с дежурства – и они вместе будут смотреть какой-нибудь «фильмец», как любит говорить мама, пить вкусный травяной чай и соревноваться в сарказме над героями кинокартины.

Внезапно шею чуть ниже уха обожгло болью и холодом. Машинально проверив это место пальцами, с удивлением разглядывала

то ладонь, на которой подтаивал сплюснутый в кривой комок кусочек снега, то местность вокруг – вроде, никаких фонарей, крыш – откуда свалилось?

– Мышка-пышка! Съела книжку и обделала штанишки! – раздалось откуда-то из-за угла школы гнусавое хихиканье. Вот блин! Жужа, он же, Толик Жужин, главный припевала Семенова. Он, да еще Темыч, Артем Фролов, стремясь выслужиться перед лидером, Димой Семеновым, больше всех изводили в школе слабых и младшекласников. Самое печальное, что им всё сходило с рук – мамой Семёнова была директор школы, Элеонора Андреевна. Нет, она внимательно и даже не без некой толики сочувствия выслушивала жалобы на её чадо от пострадавших, проводила с ним воспитательные беседы, плакала пару раз – но всё сводилось к одному. Семёнов становился после подобного только злее и хитрее, находя способы сделать все втихую, да ещё там, где нет камер. А Элеонора Андреевна, словно заправский жонглер, пыталась каждый его проступок загладить перед родителями пострадавшего-то с «проблемным» педагогом взамен поговорить, то – оценку подтянуть до нужного уровня. Один раз даже Стасу, которому ее сын разбил очки, выкинув их из окна класса, выбила бесплатную путевку на море вместе с родителями, приписав его в категорию льготников и подмазав кое-какие шестерёнки в местном Министерстве образования, для ускорения процесса.

«Не обращай внимания! Не обращай внимания!» – сцепив зубы, мысленно твердила себе Милана, шагая вперед. Покричат, поиздеваются – и успокоятся. Всегда ведь успокаиваются, если не отвечать.

– Милка, глянь, че у нас есть! – раздался ломающийся визгливый голосок Темыча – не твое случайно?

В момент, когда Милана все же обернулась, она уже понимала – зря. Нужно было со всех ног бежать домой.

В вытянутой вверх руке щербатый Темыч держал... её дневник! Обычный дневник с секретиками, который давали заполнить подру-

гам и одноклассникам. Но ведь... постойте! Он должен быть у Даши Нужиной, она взяла его домой, заполнить. Как он оказался у них?!

– «Что ты больше всего любишь?» «Читать». Надо же, а чего не «жрать»? А, Мышкина? Ты ж пожрать больше всего любишь, не? – радостно щерился в кривой ухмылке Темыч, кружась как заведённый с дневником. Трое парней рядом загоготали, поддерживая его.

– «Есть парень?» «Нет», – продолжал, куражась, зачитывать ее ответы на вопросы анкеты Темыча – а чё нету? Сожрала? А, Пышкина? – снова эта ненавистная издевательская полукличка – полуфамилия, придуманная недалекими умами – колись, сожрала?!

Милана стояла, словно оцепенев, только внутри разгоралось пламя. За что они с ней так!? Она ведь никому ничего не сделала! Даже больше – и мальчишки эти были с параллельного, 10 Б. Они и перескались-то в столовой пару раз, не больше. Но именно оттуда, со столовой, и начались их издевательства. Тогда Семенов, скучая размазывающий по тарелке жидкое водянистое пюре, вдруг увидел, как Милана покупает булочки на себя и двух подруг, что ждали её за столом, заняв места.

«Нифига себе, в одно лицо столько? А ты не лопнешь, девочка?» – начал он тогда кривляться. Тут же присоединились его подпевалы, заржав на весь зал словно табун лошадей.

Милана, вся красная от стыда, села за стол. Подруги тотчас бросились её успокаивать, призывая не обращать внимания на дураков. И тут раздался громкий голос Ирины Владимировны, учительницы математики. Та была такой острой на язык, умела так поддеть и пристыдить даже самого наглого двоечника, что её побаивались все, предпочитая не связываться.

– Вы сюда пришли языками чесать или есть? – рявкнула она на мигом присмиривших парней. Те невнятно что-то забурчали в ответ.

– Поели? – кивнула она на полупустые тарелки – А теперь встали и пошли к зачету готовиться. Не сдадите – всем два в четверть

сразу, ясно? И «мамуля-директор» не спасёт – передразнила она Семёнова – Пускай даже не подходит просить за тебя.

Когда парни унылым гуськом покинули столовую, Ирина Владимировна подошла к Милане. «А ты не будь рохлей – отвечай. И жалуйся, не молчи. Нельзя такому попустительствовать! И вы, подруги, тоже хороши...» – насмешливо протянула она, похлопав Милану по плечу–» Будут обижать – приходи сразу ко мне, хорошо?». Милана, сглотнув слёзы, кивнула, уже зная, что делать этого не станет. Только хуже будет. Похоже, и Ирина Владимировна это поняла, – в ее глазах промелькнуло не то разочарованием, не то грусть. Пожелав девочкам приятного аппетита, она ушла за учительский столик.

Вот с этого самого момента она, Милана Мышкина, и стала личным врагом Семенова номер один. И то, что она даже не желала, никак не способствовала этой внезапной учительской защите, им в расчёт не бралось. В портфеле через день она обнаружила записку «тибе копец». Сопоставив хромающую орфографию и недавнее происшествие, пришла к печальному выводу – её автором не мог быть никто иной как Семёнов.

– Ооо, зырь, Пышка на секретные вопросы тоже ответила, – не унимался Темыч – давайте глянем, че там? – остальные сгрудились вокруг него, пока парень ловко разворачивал свёрнутый в несколько раз тетрадный листок с надписью «кто секрет этот открое-того тотчас сыпь покроет».

– Оставь! – смахнула злые слезы Милана, бросившись к ним. Она понимала, что, скорее всего ее просто подниманивают как глупого зверька, но и прочесть секрет, да еще вслух, насмехаясь, было нельзя дать.

– Отдай! – бросилась она на Темыча, пытаясь вырвать из его рук дневник – отдай, это моё! – в отчаянии кричала, пробиваясь через грубые тычки его приятелей. Нечаянно, отмахиваясь от чьей-то руки, ударила Темыча по лицу. Тот сразу же покраснел от злости, завизжав как девчонка:

– Ты чё, дура жирная!? Совсем тупая!? – в следующий момент он набросился на нее, с силой ухватив за воротник пальто, затрепавший под его пальцами, подставил подножку и бросил на землю – Смотри, она мне нос разбила, -то ли оправдывал перед друзьями свою истерику, то ли подначивал их присоединиться – Уродка, блин! – и удар. Ногой. Целил в живот, но попал по руке, которой Милана прикрывалась. Судорожно сжимая вырванный у Темыча дневник, она лежала на холодной земле в позе эмбриона, получая пинки и затрепщины от всё больше звереющих парней. «Пальто испачкала – мама ругать будет. И камер тут нет, чтобы доказать, что не я виновата» – пришла вместе с очередной волной боли глупая мысль.

И тут все разом прекратилось. Откуда-то сверху слышались крики и звуки ударов. Но боли больше не было – били не её. Милана лежала, не решаясь открыть глаза, лишь промерзшими пальцами цепляясь за скользкую обложку дневника, молилась, чтобы всё поскорей закончилось. Ну почему она такая глупая?! Зачем она подошла!?

«Эй, ты как, с тобой всё в порядке?» – раздалось над ухом. Милана приоткрыла глаза – над ней, словно ангел, закрывая собой слепящее глаза солнце, нависал Демид Соколов, самый красивый парень в школе. Высокий, спортивный, с копной непослушных светлых волос и яркими голубыми глазами. Он был настолько красив, что у многих, кто видел его впервые, перехватывало дыхание. Плюс ко всему прочему Демид был местной знаменитостью – чемпионом региона и страны по юниорскому плаванию, капитан школьной сборной по волейболу. Да и учился он почти на одни пятерки, еще и на олимпиады умудряясь ездить. И вот сейчас этот «мистер совершенство» заботливо и аккуратно поднимает ее с земли, внимательно осматривая и ощупывая.

Никого из обидчиков рядом не было – как ветром сдуло. И лишь сбитые костяшки пальцев Демида да капли крови на примятом снегу свидетельствовали о том, что здесь вообще что-то произошло.

– Где болит? Милана? – ого, он и имя её знает? Откуда? – Милана, ты слышишь меня? Скажи, где болит? Ноющее тело отошло на задний план перед внезапным смущением – он, такой красивый и добрый, такой внимательный, заботливый. И она – в грязном порваном пальто, неуклюжая, толстая, сражавшаяся за свои постыдные секретки.

– Нигде – собственный голос показался ей хриплым карканьем старой вороны – Все хорошо – вывернулась она из плена его рук. Затем, смутившись своей несдержанности и неблагодарности, уже мягче продолжила – Извини, все правда хорошо. Спасибо, что спас. Я пойду – там мама ждёт – добавила глупый и лживый аргумент, что, по её мнению, должен был заставить Демида отступить и отпустить её. Но, видно, она не так хорошо (да и откуда?) знала Соколова. Тот лишь, поджав губы, смерил ее серьезным взглядом, а затем кивнул:

– Я провожу тебя, – он собрал с земли содержимое ее рюкзака, выпавшее в неравном бою, а затем снял с ее плеча и сам рюкзак, уложив туда промокшие тетради и учебники – дома на батарею положим сразу, просушить.

Милана ахнула, округлив глаза – он к ней домой собрался?! Ну уж нет! Это... это ни в какие рамки.

– У меня мама... с ночной смены спит... – нервничая, выпалила она, тут же поморщившись – предыдущая версия ведь была о том, что мама не спит и ждет дочь со школы.

– Мы ко мне зайдём, -тоном, не терпящим возражений, отрезал Соколов. А затем, закинув себе на плечи её рюкзак, пошёл вперед. И Милане ничего не осталось, как морщась от боли поплестись следом.

2

Милана старалась приноровиться к быстрому шагу Демида, попутно придумывая причины для вежливого отказа идти к нему. Вот, вот сейчас нужно лишь открыть рот и сказать, что у нее дома уборка. Нет, это глупо. Он не дурак, да и какая после такого уборка. Тогда... тогда – уроков много? Но и отговорки на ум приходили только глупые, детские совсем, и язык как к небу приклеился. Пару раз она даже открывала рот, чтобы выпалить в мощную спину в ярко-красном пуховике что-то типа «извини, я домой пойду», но выходил лишь невнятный писк, на который Демид оборачивался и подбадривал, что уже немного осталось. Видимо, думал, что ей больно.

А ещё... Еще казалось, что все встречные прохожие с удивлением глазят на них. Конечно, та еще парочка – он, красивый как с обложки, дорого одетый (ну да, его отец – известный бизнесмен. Правда, мамы, вроде как, не было), и она – полная девчонка в грязном потрепанном пальто, с кучей комплексов и загонов.

«Так, Мила, остановись!» – мысленно оборвала себя девушка – «Ты не замуж за него выходишь, а всего лишь домой идёшь. И то, из благодарности. Невежливо ведь просто буркнуть «спасибо» и уйти». Хоть Милана и не сомневалась ни на минуту, что Демид бы понял. Стресс, нервы.

Уже на подходе к элитному жилому комплексу «Ривьера», где жили все местные богатеи по мнению простого люда, Милана вновь остро ощутила то, как не вписывается в местный колорит, словно инородное тело, будто бродяжка, ворвавшаяся каким-то чудом на бал.

Охранник на воротах лишь поприветствовал Демида, мазнув слегка удивленным взглядом по Милане.

В лифте Мила не знала, куда деть глаза. Искоса любуясь красивым профилем Демида, что всё так же молчал, она пыталась не смотреть в зеркала, что окружали их со всех сторон.

Наконец, пришли. Открыв дверь не ключом, а картой, которую прислонил к домофону у звонка, он пропустил Милану вперед.

– Проходи. Включи свет.

Милана тут же принялась суетливо искать выключатель, но свет загорелся сам по себе.

Демид объяснил как всегда немногословно:» Умный дом». Слегка покраснев от смущения, Милана не успела и ахнуть, как оказалась сидящей на большом белом пуфике. Демид аккуратно снял с нее сапоги, подставив мягкие серые тапочки.

– Извини, женских размеров нет. Только большие. – развел он руками, вставая. Милана удивилась – у нее -то размерчик отнюдь не женский, 41 с половиной. Мама, пытаясь разубедить Милу в том, что размер слишком большой, даже как-то показывала ей подборку Голливудских знаменитостей, чьи ножки были совсем не Золушкиного размера. «Вон, у Моника Белуччи аж 44й! А смотри – Тайре Бенкс и Перис Хиллтон на их 43й размер специальную обувь шьют, через океан присылают. Мишель Обама, Эль Макферсон, Памела Андерсон – у них 42-й. Так что ты, со своим 41м – еще у меня малышка совсем» – шутливо щелкнула по носу её тогда мама.

Исподтишка бросив взгляд на Демида, Мила не увидела на его лице и тени улыбки или насмешки. Неужели он серьезно? Считает её маленькой?

– Пойдем в ванную, ок? Там аптечка – Мила собралась было вежливо отказаться, но Демид, не слушая возражений, слегка подтолкнул ее сопротивляющуюся тушку в направлении ванной комнаты.

В большом зеркале над раковиной отразилась она – растрёпанные темные волосы, царапина на щеке, подсохшие капли крови из одной ноздри. Если до этого Мила хоть на один процент из ста могла допустить, что совсем-совсем чуть-чуть, ну хоть самую малость, понравилась Соколову, то теперь ей стало невыносимо стыдно за такие наивные глупые мысли, за себя, за все происходящее.